Напряжение на высоте

Автор:
Владимир Ильин

Напряжение на высоте

Владимир Алексеевич Ильин

Напряжение #5

Говорят, судьбы решаются на небесах. Но и чуть ниже, на тех высотах, где обретаются природные князья и император, могут легко изменить жизненный путь. Там способны назвать спасителя – разбойником, а похитителя и убийцу – уважаемым человеком, ежели у одного ничего за душой, но у другого титул князя. Потому как многое в мире после второго тысячелетия так и останется сословным.

Но ныне Максим Самойлов примет врага на равной высоте и его оружием. Призом же новой битвы станут власть и величие – компоненты настолько редкие, что кому-то придется их лишиться, чтобы другой мог приобрести.

Владимир Ильин

Напряжение на высоте

Автор использует элементы вселенной «Меняя маски» Н. А. Метельского с согласия последнего

Пролог

Среди жарких признаний в любви летнему солнцу, волнительного ожидания первых теплых весенних лучей и яркой радости от созерцания закованных в лед озер под синим небом найдется в душе тихая любовь к поздней осени.

Не той ранней и слякотной, с размытыми дождями дорогами, хотя и ей достанутся добрые слова от тех, кто встретит ее в тепле своих покоев и кому хлесткий ливень за порогом, приглушенный оконной рамой, станет аккомпанементом треску огня в камине.

И не середине осени, наполненной нотами увядания и прощания, – под звуки птичьих стай, зовущих за собой: к теплому морю, в страны с ранним рассветом и поздним закатом, переждать студеную пору и, быть может, остаться там навсегда. Кто-то поддастся, но там, под знойным бризом, на горячем пляжном песке, глядя поверх голов шумной и многочисленной толпы на горизонт, рано или поздно затоскует о ней.

А поздней осени – с твердой, слегка промерзшей землей. С холодом, пока еще не столь колючим, чтобы прятать ладони в теплые перчатки и нагружать плечи тяжелой шубой, но достаточным, чтобы очистить разум от тревог. С ощущением выполненного дела, наполняющим странным спокойствием, – будь то собранный урожай или сданный квартальный отчет, за завершением которого видится новое начало, но оно, вместе с большим снегом, ожидается еще нескоро…

Еще будет покров – тонкий, белоснежный, без единого следа – и ощущение первопроходца всякий раз, когда подошва продавит первый снег, оставив четкие отпечатки шагов. Он же скроет все запахи, оставив в воздухе только морозную свежесть.

И самое важное – тишина, не тронутая суетой птиц и шумом дождя. Промолчат под ветром деревья, лишенные листвы, не мешая мыслям. Благостно.

Особенно прекрасна эта пора поздним утром среды, за городом, с похмелья.

Во всяком случае, князь Юсупов, глядя за окно на подворье усадьбы Еремеевых, куда явился прекращать сватовство своего внука к местной невесте, но вдруг стал главным сватом, чуть не прослезился от нахлынувших чувств.

Высокая нотка романтической задумчивости позволяла ему не замечать сожженный дотла гостевой домик, впившийся в землю остов боевого вертолета, пустую карету «Скорой помощи» на вершине дуба и старательно вырытую посреди поляны у дома яму, с проглядывающими в ней крупными купюрами и воткнутой рядом лопатой.

– Твое сиятельство?.. – окликнули князя слева задумчивым голосом.

– А? – недовольно поморщился Юсупов от постороннего звука и покосился на соседа по столу.

Они все еще занимали главный зал поместья Еремеевых – князь Юсупов, князь Долгорукий, сосредоточенно изучающий этикетку минералки слева от него – как всякий образованный человек, испытывающий потребность в чтении в момент бездействия. Князь Галицкий, уронивший голову на сложенные руки по ту сторону стола. Князь Шуйский, дремавший рядом с ним, откинувшись на спинку кресла. Князь Панкратов, уснувший головой на пачке бумаг, отчего на щеке его трафаретом отпечаталась карта Ближнего Востока с крайне важными и секретными отметками, нанесенными ручкой. Где-то еще должен был ходить князь Давыдов, но Юсупов даже знать не хотел где: потому что найдется – и опять придется пить.

Пили вшестером они уже пятый день – с субботы по эту среду, но возлияния их были исключительно во благо общего дела. Потому как успешно решенный вопрос сватовства перерос в стратегическую проблему строительства судоходного канала из Каспия в Аравийское море. Вон и бумаги с заметками и картами оттого раскиданы по столу – с пометками, схемами, исполненными как ими самими, так и срочно вызванными консультантами. Территория бывшей Персидской империи все еще оставалась местом, где не получалось просто провести прямую линию от океана до океана, хотя кое-кто в самом начале предложил именно этот маршрут, использовав вместо линейки грань штофа из-под водки. Но там и Юсупов припомнил пару священных мест, пересекать которые было неразумно, если нет желания вступать в войну со всем правоверным миром. А консультанты Панкратова добавили отметки трех мертвых городов, не к ночи помянутых… Человек Долгорукого дополнил двумя местами Силы, которые удерживались местными племенами и штурм которых мог затянуться на годы даже для объединенных княжеских сил. Галицкий предоставил консультанта по водным ресурсам, ловко указавшего, какие природные маршруты можно приспособить под канал с минимальными

затратами. Ну а Давыдов, не желая ударить в грязь лицом, отправил с курьером записку, адресат которой – странный человечек с бегающим взглядом и постоянно потеющим лбом обрисовал контрабандные пути по ныне мертвой империи и озвучил их бенефициаров – из империй вполне здравствующих.
В пустыне оказалось на редкость много жизни – медленный и несуетливый наркотрафик, сумасшедшие гонки на бензовозах по ночам без единой включенной фары от ничейных нефтяных скважин к границам Османской империи, трансфер золотого песка и археологических редкостей из погребенных под песком забытых поселений… Информация стоила просто диких денег, но досталась исключительно за уважительные взгляды Давыдову, горделиво крутившему усы в ответ на похвалы. Присутствующие осознавали, что трогать маршруты, которые уже давно стали наследными предприятиями для караванщиков и родовой привилегией у собиравших с них дань аристократов, означало изнурительную партизанскую войну и саботаж на каждом шагу. Местная специфика, знание которой могло сэкономить прорву ресурсов или позволить превентивно уничтожить мешающие им силы. В общем, мысли и желания князей постепенно собирались в стройную картину, а когда напоенные до невменяемости консультанты проснутся и возглавят общий штаб, то и в пошаговый план к действиям по строительству канала.

Ясное дело, пока никто консультантов из поместья отпускать не собирался, равно как до времени представлять связь с внешним миром (уж больно тема была щекотливая), обеспечивая горячительным в той мере, чтобы не казалось, будто их удерживают – скорее консультантам было просто плохо самим выйти из гостевых комнат. Поутру новорожденными пингвинами – неуклюжими и грустными – они собирались на верхних этажах, делали новые пометки и записки, выбирали жребием парламентера, спускавшегося к князьям вниз и под полные надежды взгляды столпившихся у лестницы второго этажа коллег обменивавшего бумаги на водку и еду. Похмелье заставляло припоминать все новые и новые детали, потому что листы внимательно читались пока еще трезвыми князьями, не принимающими повторы. За пять дней материалов набралось на небольшую гору – память выжималась до донышка.

Правда, часть бесценных бумаг отчего-то валялась на полу, и никто не торопился их поднимать…

Автоматически поведя взглядом вниз, Юсупов зацепился им за край сброшенной на пол скатерти. Ах да, присутствовал еще отец невесты – Еремеев-старший, на правах хозяина дома и совладельца одного процента от будущего канала. Этот с

мудростью кота выбрал место для ночевки под широким и тяжелым столом – просто так не сдвинуть, да и пнуть ноги не достают. Еще и скатертью укрылся, стервец…

Польза от Еремеева была значительная – он знал, где в этом доме есть еда и питье. Вернее, где она есть еще после того, как все, что было на кухне и в погребах, съели и выпили. Под домом же были какие-то совершенно несуразные катакомбы, из которых глава дома всякий раз деловито являлся с ящиком горячительного и мешком продуктов. Пять дней подряд, три раза в день. И не похоже, что запасы собирались заканчиваться.

Свите же князей настрого было сказано господ не беспокоить – они и не беспокоили, оставаясь за воротами усадьбы. Особенно после вертолета. «Скорая» приехала на чадный дым и отчего-то возжелала лечить не вертолетчиков, а Долгорукого с Давыдовым, яростно споривших на крыше усадьбы, у кого из них лучше получается строевая подготовка молодых бойцов. Вместо молодых бойцов были примы Большого театра – первое и второе отделения. Собственно, после того как дамы озвучили принадлежность к первому и второму театральным отделениям, спор и был затеян… Карета «Скорой помощи», понятное дело, подготовке мешала. Денег откупиться не было, но были лопата и знание, где деньги есть – исключительно в долг. Мелочи жизни.

– Твое сиятельство! – уже нетерпеливо позвал его Долгорукий, продолжая напряженно глядеть на этикетку бутилированной воды.

Собственно, воду привезли сегодня утром, загрузив упаковками целую телегу с запряженной в нее лошадью, самоходом прошедшую от парадных ворот до самой усадьбы. Прибытие вызвало исключительно положительные эмоции – как у князей, даже заспоривших, кто из их слуг догадался снабдить их целебной водой, не нарушив приказа не являться им на глаза, так и у Давыдова, с ходу опознавшего в лошадке племенную ахалтекинскую породу и заворковавшего вокруг нее с нешуточной заботой – даже позабыв о выпивке и новых застольных тостах… А если не пьет Давыдов, то и у остальных появлялся шанс выжить…

– Князь!!!

– Что?..

– У тебя в роду татары были?

– Ну, были, – равнодушно пожал плечами Юсупов.

– И Кремль жгли?

– Жгли… – вздохнул тот.

Собственно, было это поболее тысячи лет назад, оттого ответ слышался исторической справкой, а не чем-то обидным для ныне живущих в столице. Тем более что прошлые полтысячи лет Юсуповы занимались делом абсолютно противоположным.

– А монголы в твоем роду были? – не унимался Долгорукий.

– Само собой.

– На Урале, поди, тоже города палили с четырех сторон?

– Палили, – меланхолично подтвердил Юсупов, дотягиваясь до аналогичной бутылки и одним движением скручивая с нее крышку, – если там бунтовали. Наши города были, и земли тоже наши… – он попробовал прохладную и вкусную воду, – пока Золотая Орда не пала…

– А я еще сомневался, внук он тебе или нет… – отчего-то пробормотал Долгорукий, отложив бутылку и с силой протерев глаза.

– Чего это не внук? – вяло возмутился князь, вновь пробуя воду.

– Внук-внук, – тут же заверил Долгорукий. – Твой Максим, пока мы пили, Кремль и пригороды Екатеринбурга сжег.

Вода резко попросилась обратно.

– Чего? – протерев губы, недоверчиво посмотрел на соседа Юсупов.

– А ты этикетку на бутылке почитай, – посоветовали ему.

На робкую улыбку князя – готового к шутке, даже нескладной – последовал в ответ серьезный и напряженный взгляд.

Юсупов резко схватился за пластик и вчитался в мелкий шрифт на боковых гранях этикетки – там, где полагалось быть справочной информации об изготовителе, сроках годности и прочей обязательной чепухе. Но сейчас было отпечатано совсем иное – деловитое, хронологичное и крайне, крайне болезненное для похмельной головы.

Уловив движение рядом, князь на секунду поднял взгляд и скривился – до того дремавшие Панкратов и Галицкий с Шуйским тоже с напряженным видом читали этикетку. Ага, спят они…

– Господа! – нашел самое время, чтобы объявиться, князь Давыдов, вошедший с парадного входа в идеальном, словно выглаженном гусарском мундире и блиставший совершенно возмутительной бодростью. – Лошадь обихожена, я в город. Вам что-нибудь захватить?

– Захватите нам Москву… – проскрипел Галицкий, трогая расстегнутый ворот рубашки и ослабляя его еще на одну пуговицу.

– Что-то случилось? – заметил общее напряжение Давыдов.

– Вода с нами случилась, – мрачно сообщил ему Юсупов.

Князь задумался на мгновение, взял еще одну бутылку и скинул под стол. Еремеева это тоже касалось.

Под столом возмутились, но затем, видимо, тоже вчитались в буквы – судя по тому, как резко стукнула снизу по столешнице голова хозяина дома. Ну да – там же текст начинается с «Еремееву Нику похитили»…

– О, вода – это весьма коварная субстанция! – воодушевленно отметил Давыдов. – Иногда кажется – уже трезвый. А как попил водички – так снова праздник!

А затем приметил хмурые взгляды в свой адрес и, притихнув, осторожно двинулся в обход стола к своему месту.

– Вы берите воду и читайте, – посоветовал ему Галицкий.

– «Во второй упаковке снизу не вода, а водка», – зачитал Давыдов нижнюю строчку как самую важную – именно там боевому гусару обычно писали, орден его ожидает за воинский подвиг или опала.

– Выше читайте.

Недоверчиво покосившись на Галицкого, Давыдов все-таки послушался.

– О!..

– Я сначала думал – все, белочка, допился, – напряженно поддакнул его эмоции Долгорукий, продолжая тереть лицо, – но что-то все складно написано…

– Это не белочка. Это песец, – мрачно отозвался Юсупов, содрав этикетку и комкая ее в руках. – Я этого зверя хорошо знаю. Он у меня ручной был.

– Мою Нику похитили! – донесся злой голос из-под стола. – Всех убью, один останусь! Галицкий, Долгорукий, уберите ноги со скатерти, я хочу встать!

– Вы дочитайте: там уже освободили, – даже не пошевелился Галицкий, игнорируя ерзанья под ногами.

– Слушайте, ну это же возмутительно! – отставив воду в сторону, хлопнул по столешнице гусар. – Какого демона пили мы, а дерется он?! Никогда со мной не было такого позора!

И только Шуйский молча читал текст раз за разом, мрачнея все сильнее и сильнее. Быть может, потому что осознавал гораздо лучше остальных последствия сожженного пригорода, бывшего в собственности самого императора. А также реакцию хозяина Кремля на бомбардировку и разрушение до фундамента одной из башен – пусть чужой, но в сотнях метров от собственного дома.

– Я предлагаю узнать детали. – Долгорукий положил ладони на столешницу и посмотрел в сторону ворот усадьбы, где обязаны были дожидаться слуги.

Слуги, которым они сами запретили их тревожить – пусть даже звонит сам император… Тогда им показалось, что это сравнение избыточно…

– Еремеев, у тебя телефон есть к главным воротам? Позвони, пусть пришлют кого из наших людей… – усталым голосом распорядился князь Юсупов.

Не прошло и пяти минут, как помещение усадьбы наводнили десятки людей, явившихся с телефонами, раскрытыми ноутбуками, паникой и всеми проблемами мира.

На глазах мрачнел до того спокойный Долгорукий – в деле оказался замешан его внук Игорь и родовой телеканал.

Выслушивал своих консультантов князь Шуйский, прикрыв глаза и положив руки на столешницу. Ему сообщили, что единственный внук чуть не умер в поединке с князем Черниговским и сейчас в родовой больнице в Москве.

Хмурился князь Галицкий, изредка поглядывая на сложенные в углу комнаты и укрытые скатертью секретные бумаги. Общий для шестерых князей огромный проект невольно ставил их в одну обойму, вынуждая его принять бой на стороне Юсупова, Шуйского и Долгорукого, но он никак не рассчитывал, что драться придется с Черниговскими, а не с заграничным супостатом. Потому как ни о каких зарубежных свершениях и думать было невозможно, не обеспечив надежные тылы на родине.

Отчего-то едва заметно улыбался князь Панкратов, глядя в экран принесенного ему ноутбука, – равно как с робкими улыбками смотрели на экран из-за его плеча консультанты и аналитики. Может, радуется, что беда обошла его семью стороной? Этот живет войной, не бегая от схватки, но вот воюет всегда за себя.

Порывался встать, но снова садился за стол князь Давыдов. Ему принесли сотовый телефон, его переполняли эмоции и желание высказать все про Черниговских в инстаграм, но телефон отчего-то сбоил, и Юсупов прекрасно знал отчего… Не ко времени рассказывать о своих планах.

Рвался бежать и искать спасенную дочь Еремеев, но к нему персонально пришли в гости люди от князя Мстиславского, уведшие его в сторону и что-то настойчиво ему говорившие. Зачем они тут? Вернее, как дети умудрились зацепить и эту влиятельнейшую семью? Спросить бы, да на плечи Юсупова отчего-то легла такая тяжесть, что не было сил встать на ноги. Наверное, он все-таки был слишком стар для таких новостей.

Ладони то складывались под подбородком князя, то ложились на лицо, то не находили себе покоя на коленях. Внук ввязался в войну против имперского клана: сильного, могущественного, богатого ресурсами и союзниками, а значит, сейчас князь Юсупов дослушает плохие вести и пойдет завершать начатое молодой кровью. Они ведь пока слишком молоды и умеют лишь начинать, а вот умение завершать приходит только с годами.

Во всяком случае, он уже невольно начал подготовку к этому, сковав всех присутствующих общим делом и финансовым интересом – пусть готовил их не к этой войне, а к противостоянию с Аймара, принцессу которых похитил его внук – Аймара, которые тоже уже были в Москве всем своим боевым крылом… Самое время проверить, насколько прочен созданный союз.

Мгновение, когда набранный в легкие воздух должен был разразиться призывом к братьям на общую битву, было прервано самым печальным образом.

Князь Юсупов уже медленно встал на ноги, нависая над столом, привлекая взгляды и заставляя иных уважительно затихнуть, когда один из порученцев, чуть подрагивая руками, поднес ему трубку спутникового телефона.

– Вас император, ваше сиятельство… – упали слова в установившейся тишине.

И князь Юсупов принял трубку под общими взглядами, аккуратно сев обратно и уронив тяжелое, не предчувствующее ничего доброго «алло».

Потом были слова «Верно, это мой внук» – мрачные, словно признание вины. «Я не стану с этим спорить» – как осознание степени преступления. «Возможно», «…это нужно обсуждать меж ними» – элементы тяжелого торга. «Я не желаю навязывать свое мнение, но…» – так тревожно зависшее на последнем слоге. «Если вы сможете это обеспечить». «Пусть будет так, как они захотят» – уже

тише и бесцветно. «Мое согласие у вас есть. Но только с соблюдением этих условий» – словно компромисс между плохо и очень плохо… «Мне уже скверно, не трави душу…». «Буду» – уже в ответ на слова уважения перед князем, пусть и наверняка загнанным в угол, зато все еще говорившим с самим императором на «ты».

Тяжелая трубка телефона легла на стол. В тишине, продолжавшей быть абсолютной, князь Юсупов оперся на локти и, склонившись вперед, закрыл лицо ладонями.

– Все вон, – произнес князь Шуйский своим людям.

Но убраться из главного зала посчитали правильным все слуги. Остались только князья и хозяин дома, спровадивший во двор упиравшихся людей Мстиславского, продолжающих робко и слегка недоуменно тыкать в его сторону бумагами. Эка он неосторожно… за неуважение могут принять… Впрочем, уже не важно.

– Господа… – не отрывая ладони от лица, глухо произнес Юсупов. – Ежели кто пожелает выйти из персидского проекта прямо сейчас, я не буду иметь претензий.

Будто капитан тонущего корабля, призывающий благородных друзей покинуть борт, а не сражаться с необоримой волной.

Император – это слишком много для авантюристов, пожелавших обогатиться на чужбине. Их корабль уже шел ко дну, не успев выйти из порта, а значит, они, мудрые и осторожные, несмотря на кучу ценной информации, вложенной в проект, сделают так, как делали всегда. Зафиксируют убытки и забудут. Тем более что нет урона чести, если отпускают просто так…

– Прощу прощения, я должен заняться семьей, – первым грузно поднялся из-за стола князь Долгорукий. – Мой внук наделал дел… – вышагнул он из-за стола, одернув пиджак.

– Господа, вы всегда желанные гости в моем доме, – неловко встал князь Галицкий и, не отрывая взгляда от пола, шагнул на выход.

Но напоследок оба все же оглянулись на замершего на стуле Юсупова, Шуйского, а также – самую малость изумленно – на Панкратова. Он что, не понимает, что война с Черниговскими все равно будет, а также со всей остальной сворой, что почувствует слабость Юсуповых и негласную поддержку императора? Да, не сейчас, но это как с хронической неудачей: человек сегодня может выглядеть бодро, но уже завтра – уйти в могилу… и этот недуг заразен для окружающих. Сейчас будет только отсрочка – словно от крайне дорогостоящего, но, увы, одноразового препарата…

– Постойте, – заставил их замереть на полшаге от выхода голос Еремеева. – На правах хозяина дома… Так неправильно: просто уйти – и всё. – Мужчина с силой потер себе лицо. – Давайте я выкуплю у вас ваши доли, чтобы соблюсти приличия. Пожалуйста.

Галицкий и Долгорукий переглянулись и пожали плечами. Действительно – эти отношения было бы логично завершить сделкой, а не молчаливым уходом за порог.

– Вот, – чуть неловко из-за торопливости выгреб Еремеев какую-то мелочь из кармана и высыпал на край столешницы.

Часть копеечных монет упала и прокатилась куда-то в угол зала.

Молча подошел Долгорукий, чуть нахмурился, глядя на россыпь, и забрал себе более-менее непотертый рубль, тут же отвернувшись от стола. Галицкий не глядя сгреб пятидесятикопеечную монету и направился на выход вслед за Долгоруким.

Дверь затворилась, оставив в тишине за большим столом пятерых человек.

– Вася, ты тоже иди, – обратился Шуйский к Давыдову, занятому очень странным делом – тот методично и без единой эмоции снимал с себя ордена и медали, а затем взвешивал в ладони, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Я гусара не брошу, – хмуро произнес тот, даже не думая сдвинуться с места.

– Вася, ты присягнул императору. Ты должен уйти! – настаивал его товарищ.

– Мне лучше знать, что я должен делать! – гаркнул князь Давыдов. – Тут в моей руке – килограмм орденов! Разве килограмм моих подвигов не стоит того, чтобы простить единожды ошибившегося гусара?!

– Василий, я уже договорился… – прошептал из-за ладоней Юсупов, не открывая лица.

– А я не знаю, о чем вы там договаривались! Оттого вправе действовать сам, по своему умыслу! – уже с клочками мундира срывал с себя Давыдов ордена. – Два килограмма! Измаил, Берлин, Париж!

– Князь, успокойтесь, – посоветовал ему Панкратов, расставивший ноги и опершийся на стул в такой позе, чтобы было понятно – никуда он не уйдет. – Никто не сомневается в величии ваших подвигов и ценности их для страны. Уверен, князь Юсупов имеет в виду совсем другое.

– Что тут еще можно иметь в виду, а? – сорвав уже все ордена, не найдя новых и чуть ссутулившись, произнес Давыдов. – Максима же повесят…

Его ладонь колола булавка ордена Святого Георгия, но он словно не замечал проступившей на коже капли крови.

– Я думаю, князь Юсупов сам нам сейчас скажет, – мягким тоном ответил ему Панкратов.

– Господа, вы все еще можете абсолютно спокойно и невозбранно уйти… – пробормотал Юсупов.

– Оставьте, князь, – махнул рукой Панкратов. – Все, кто хотел уйти, уже сбежали. Шуйский, вы же не желаете уходить?

– Мой внук оставил подранка, – недоуменно поднял тот бровь. – Вы даже не представляете, как они сладко пахнут страхом.

– Еремеев, вы-то проя?вите благоразумие? Ваша дочь уже спасена.

Хозяин дома почесал озадаченно подбородок и, удерживая ладонь перед лицом, другой рукой повернул ободок одного из колец, явив присутствующим «признающий» герб Мстиславских.

– Оказывается, у меня дочка кормилицу принца из-за грани вытащила, – доверительным тоном произнес он. – Мне пообещали любую поддержку в любом вопросе, – подчеркнул он последнюю фразу, хищно улыбнувшись.

Сдвинув пальцы, из-за ладоней на Еремеева неверяще глянул даже Юсупов. Но потом снова закрылся ладонями, продолжая молчаливо изображать скорбь.

– Я не уйду, – буркнул Давыдов. – Непонятно, отчего вы сами не уходите, – покосился он на Панкратова.

– Я уже заработал кучу денег на падении Черниговских, – деловито ответил он. – Не такую, как закопана во дворе. Но я не откажусь заработать еще.

– В таком случае, ежели никто не уходит… и рядом только верные люди… – вздохнул из-под ладоней Юсупов.

А затем медленно убрал их от лица, открывая широкую и крайне довольную улыбку, которую так чертовски тяжело было скрывать все это время.

– Это его от горя так, да?.. – ткнул Василий локтем Шуйского, опасливо глядя на могущественного князя.

– Я боюсь, что от радости, – скептически отозвался тот, в очередной раз с горечью поражаясь, как изменились времена – напротив скалился в искренней улыбке его старый враг, а ему почему-то тоже было хорошо и даже отлегло от души…

– Вася, в какой там пачке была водка? – бодро потер ладони Юсупов. – Нам бы наших врагов помянуть. Ну и за здоровье молодых, разумеется.

– А нет, он вполне здоров, – авторитетно высказался гусар, оборачиваясь к стене и выуживая нужную упаковку.

Не то чтобы та была подписана и стояла второй с конца, но чутье и многолетний опыт…

– Так, а война?.. – недоуменно оглядел всех Еремеев, нервно крутя перстень на пальце.

– Некогда воевать, бизнес стоит, – открывая бутылку, указал ему Юсупов на скинутые на пол бумаги.

– Я не совсем понимаю…

– Молодой еще, – веско сообщил ему Панкратов, разливая в подставленные рюмки Шуйскому и Давыдову. – Я так думаю, у нас только что появился новый пайщик? – вопросительно посмотрел он на Юсупова, заново оценивая слова, сказанные в коротком телефонном разговоре.

Не все, правда, сходилось, но вскоре он определенно узнает, о чем они там договаривались – равно как и причины того, что гнев за имперское преступление сменился милостью…

Князь Юсупов сначала хитро улыбнулся, потом отчего-то посмурнел, но все-таки кивнул.

– Я думал ему доли Галицкого с Долгоруким предложить, – недовольно покосился он на Еремеева.

– У всех нас нашлось бы полтора рубля, – тут же изобразил тот невозмутимое лицо. – Это была честная сделка.

Теперь на него хмуро смотрели и все остальные. Потому что предприятие с участием императора – обычно весьма успешное предприятие. И когда у тебя в нем десять процентов, а у некоего мужчины с полутора рублями – двадцать один…

– Что ж я, свою кровинку без приданого отдам? – чуть испуганно оглядев хмурых князей, похлопал ресницами Еремеев и оглянулся на князя Юсупова.

– То есть Максиму – двадцать один процент? – поиграв желваками, произнес тот.

– Н-ну… да, – пожал тот плечами.

– Слышали, что мой сват говорит? – обнял его Юсупов одной рукой и горделиво посмотрел на остальных.

– Самая богатая невеста в стране, – смирившись, грустно вздохнул Панкратов.

– За такую и десять миллиардов не жалко, – тоже осознав безнадежность что-либо выцарапать для себя, поддакнул Шуйский.

– Гор-рько!

– Василий, рано! Их еще найти надо… Кстати, где они ходят-то вообще?

Глава 1

Из Екатеринбурга мы привезли снег. Целый океан снега, заметавшего яркие огни ночной столицы, пока самолет шел на посадку; медленно парившего крупными хлопьями в воздухе по приземлении, сверкая в свете фар буксира и служебных машин, а также десятка автомобилей, дожидавшихся нас в паре сотен метров от трапа.

Снег падал на плечи княжича Шуйского, вышагнувшего из салона на верхнюю ступень трапа и зорко оглядевшего встречавших нас людей. Половина машин была с его гербом на номерах – удостоверившись, юноша отшагнул в сторону, более не скрывая выход своими немалыми габаритами.

Снег медленно таял на рыжих волосах девушки, вышедшей вслед за ним. Принцесса Аймара Инка выглядела уставшей и болезненно серой. Отчасти сказались переживания последнего дня. Отчасти виновны несколько бутылок вина, совместно приговоренных с княжичем во время полета. По официальной же версии – это все последствия посредственной готовки придорожного кафетерия, сказавшиеся только сейчас.

Девушка с благодарностью приняла протянутую ей ладонь княжича – громадную, в которой ее ладошка могла быть смята неосторожным движением, если бы не удерживалась с бережливостью самой ценной вещи на Земле. Друг за другом двое осторожно спустились по ступеням и невозмутимо направились к ожидавшим машинам.

Нас с Никой, стоящих в стороне от слепящих фар, эти двое предпочли не заметить. Но мы не обижались, равно как не уточняли причину общего на двоих маршрута для людей, познакомившихся в весьма неоднозначных условиях. Ныне этих двоих связывали самые крепкие взаимоотношения, которые могли быть между юношей и девушкой: она полночи выражала неудовольствие сантехнике, а он придерживал ее за локоток. Обычно последствия данных событий впадают в иную крайность: показного равнодушия друг к другу, отведенным в сторону взглядам и желанием избежать новой встречи. Видеть чужую слабость позволено только очень близким – каковым, как оказалось, можно успеть стать всего за пару дней.

Тем более что свидетелей недуга не было, а значит, урона чести никакого. Потому как возможные свидетели были достаточно мудры, чтобы старательно притворяться спящими.

Мы прошли смертельный бой несколькими часами ранее. Мы заставили сбежать «виртуоза». Но были максимально близки этой ночью к тому, чтобы нас выкинули с самолета. Поэтому сон был размеренный, глубокий и спокойный, равно как и дыхание, к которому Аймара Инка напряженно прислушивалась время от времени, пока организм вновь не начинал протестовать по поводу употребленных на двоих пяти бутылок вина…

Даже сейчас, проходя мимо, принцесса не удержалась и бросила осторожный взгляд в нашу сторону. Я улыбнулся, коротко кивнул и указал взглядом налево – туда, где стояли на краю взлетного поля, заметаемые снегом, два самолета с гербами Аймара… Еще никогда похищенная (по версии ее самой) девушка не находилась так близко от родных, прибывших ей на помощь. Большинство, разумеется, были в столице, но уверен: внутри огромных самолетов даже сейчас дежурили люди ее клана – никто не оставит технику без присмотра.

Но отчего первые эмоции узнавания, радости и злорадства, мелькнувшие на ее лице, сменились тоской? Словно у тех ребят из летнего лагеря, что так желали

сбежать от нас с Артемом, а потом, подружившись, грустили после завершения смены?.. Рука девушки сильнее приобняла локоток Шуйского, а сама она отвернулась от самолета, чуть наклонила голову и продолжила идти к машине.

Артем уловил заминку, но трактовал ее иначе.

– Мы в больницу. Вы с нами? – обернулся он к нам.

– Ты как? – поинтересовался я у Ники. – Больница клановая, хорошая.

Иных у Шуйских быть не могло – несмотря на то что главная семья клана в столице появлялась крайне редко, в Москве на нее постоянно работали сотни людей, так или иначе связанных с их интересами, представительством и родовыми предприятиями. Доверять же здоровье сотрудников чужим людям означало бездумно отдать их для вербовки конкурентам. Иные диагнозы, особенно сезонные и туристические, позволяли легко подцепить на крючок семейного человека, даже сотню раз проверенного и надежного, но не желавшего рушить свою семью из-за южного приключения. Собственно, оттого клановые больницы в столице были практически у всех значимых семейств.

– Нет, не надо, – качнула Ника головой. – Я в порядке.

Девушка сильнее прижалась к плечу, словно опасаясь расставания.

– Навестим вас завтра, – ответил я за нас Шуйскому.

Тот кивнул и продолжил путь к машинам.

Последней под снег и ночь военного аэропорта в Монино шагнула китаянка Го Дейю, слегка испуганно выглянувшая на морозный воздух из уже привычной теплоты салона. Снежинки таяли на вороте слишком большого для нее пальто, в длинных рукавах которого прятались изящные руки, наверняка прихватившие что-нибудь острое. Она меньше всех нас верила, что все обойдется.
В ожидавших нас машинах ей виделись стражи порядка, прибывшие нас арестовать; в стоявших рядом самолетах Аймара, которые она заметила первой, но никому не сказала, – специально прилетевшие по нашу душу мстители. Сложно отучиться никому не верить.

Но ничего не происходило, и она посчитала возможным выйти из самолета и просеменить в нашу сторону – с максимальной скоростью, чтобы не запутаться в полах чужого пальто.

На мгновение лицо Дейю осветилось радостью – две машины были с гербом князей Борецких. Пашка прибыл лично нас встретить – рукопожатия и неловкие объятия с ним уже состоялись, после чего я попросил его подождать в машине. Он полагал важным лично вывезти нас в Москву, минуя возможные посты полиции не снижая скорости – княжеские машины не имеют права останавливать и досматривать. Собственно, с той же целью за Артемом Шуйским прибыли четыре автомобиля – возможно, с тем мудрым расчетом, что мы вчетвером можем умудриться рассориться во время полета… Но все вышло иначе, и ныне Инка с Артемом занимали один автомобиль, а трем другим предстоит отправиться в столицу порожними.

Позади хлопнула дверь Пашкиной машины – тот тоже приметил Дейю. Или, быть может, свое пальто, одолженное ей.

– Ныне ты свободна, принцесса, – громко сообщил я подошедшей Го Дейю. – Твоей семье сообщено, где ты и твой новый статус.

После чего развернулся и повел Нику под руку к одной из двух стоящих поодаль машин – без всяких гербов и многозначительных номеров. Но там были верные мне люди.

– Но ты обещал… – донесся подавленный и исполненный горечи голос в спину.

На короткое время, пока усаживал Нику в машину и садился за ней сам, взглядом отметил невысокую хрупкую девичью фигурку под снегопадом, которая не знала, куда ей теперь деться со своей неожиданно доставшейся свободой.

Где ей переночевать, где ей есть, где взять денег… Что делать с родными и как они отнесутся к возрождению уже похороненной и оплаканной дочери… Что делать с врагами там и врагами тут…

– Ты действительно обещал, – укорила меня Ника, стоило машине медленно набрать скорость на разворот.

– Иногда надо забыть интересную книгу на столе, чтобы ее захотели прочитать, – вздохнул я и посмотрел в центральное зеркало.

В отражении которого к Го Дейю подошел княжич Борецкий Павел, что-то спросил и посмотрел нам вслед. А затем аккуратно отряхнул от снега волосы словно впавшей в ступор китаянки, надел на ее голову свою шапку и, придерживая за плечи, повел к своей машине.

– Никому не нравится, когда ему что-то навязывают. Пусть выбирают сами, – наклонил я голову Ники к своему плечу.

Та повозилась, устраиваясь поудобнее, но так и не произнесла ни слова, а выражение лица было сложно разглядеть.

Где-то там впереди было завершение слишком долгого понедельника, шагнувшего из вторника назад по часовым поясам и вновь стремящегося к рассвету нового дня. Конечную точку наверняка знал водитель – спокойный и молчаливый азиат, время от времени с интересом поглядывающий на нас в зеркало. Я лишь был уверен в том, что? именно нас там ждет, но не стремился заранее знать детали.

Возможно, где-то были блокпосты. Вполне вероятно, были розданы ориентировки и объявлен план «Перехват». Однако недорогие машины, пусть и связанные одним маршрутом, но разделенные друг от друга сотней метров, не привлекли ничьего внимания.

Мимо пролетали спящие спальные пригороды Москвы; на расцвеченные желтоватым светом широкие улицы выбралась снегоуборочная техника, сметая к обочине валивший с небес снег. К утру город все равно встанет намертво, и все механизмы принятия решений станут вязкими и медлительными – особенно те, что не обходятся без личных встреч. Надо успеть до рассвета – я покосился виновато на задремавшую Нику.

Примерно через сорок минут машина остановилась возле безликого панельного жилого дома, бывшего одной из граней двора-колодца. За потоком снега было не разглядеть табличку на углу здания, да и улица не угадывалась совершенно – очередной город внутри города. В тишине предрассветного часа вдали одиноко

шаркала по асфальту лопата дворника, хрустел снег под ногами и чудились отзвуки далекой автомобильной трассы. Зато дом рядом казался уже проснувшимся – окна части этажей заливал свет, приглушенный занавесками.

Наш водитель опередил нас на пути к подъезду, приложил брелок ключей к замку домофона и предупредительно открыл железную дверь, скрывавшую вход в теплый и довольно опрятный коридор. Ничего особо красивого и неординарного внутри – обычные крашенные в два цвета стены, побеленные потолки и ряды почтовых ящиков; с клацаньем открывшийся лифт, отделанный пластиком под дерево и с заглушенными металлом кнопками трех верхних этажей. Я нажал самую верхнюю из доступных и приобнял устало привалившуюся ко мне Нику.

– Мы приехали… – выдохнула она.

Было уже не особо важно – куда. Знакомая атмосфера, электрический свет и тепло давали ощущение дома и безопасности.

– Почти пришли, – повел я ее за собой в открывшуюся дверь лифта, а затем и по ступеням вверх – к звукам бормотавшего телевизора, который отчего-то смотрела прямо в коридоре бабка-китаянка, сидя в глубоком кресле и прикрыв ноги пледом. В руках ее было нехитрое вязание – маленький носок из синей шерсти, а на мир она смотрела через массивные очки, придававшие ей вид самый миролюбивый и домашний.

Китаянка кивнула мне, словно узнавая, хотя я вряд ли видел ее до того. И куда радостнее улыбнулась Нике, демонстрируя вязание.

– Здравствуйте, – неловко поздоровалась Ника до того, как я повел ее по лестнице выше.

– Ее что, выставили из квартиры? – с негодованием прошептала мне девушка, стоило нам подняться на следующий этаж.

– Это охрана. Сигнализация на случай вторжения, – пояснил я в ответ, останавливаясь возле железной двери в квартиру справа от лестницы.

Достал ключ, который подходил к еще десятку квартир в этом городе, и попробовал открыть им замок. Механизм не сопротивлялся, исправно провернувшись два раза, а свет внутри квартиры был включен заранее – во всех комнатах и, как я мог заметить, во всех квартирах верхних этажей, на случай если за нами кто-то все-таки проследил и желает определить местоположение или захочет влепить в окно ракету.

– Пойдем, – пригласил я Нику за собой в самую большую из двух комнат.

Остановился у порога, оглядывая длинный стол, покрытый десятками аккуратных столбиков бумаг и конвертов. Отметил два дорогих набора писчих принадлежностей, два кресла рядом за столом и одинокую телефонную трубку на подоконнике, выглядывающую из-за края занавески. Напротив кресел на стене располагался овал часов, показывающий четвертый час ночи.

– Это что? – с интересом заглянула Ника в помещение из-за моего плеча.

Я посторонился и приглашающим жестом предложил ей ознакомиться с бумагами самостоятельно.

Девушка вошла в комнату, провела рукой по стопке с краю стола и подняла с нее верхний лист бумаги.

– «Уважаемый Иммануил Федорович! Я и моя невеста, Еремеева Ника, выражаем вам искреннюю благодарность за усилия, предпринятые по ее поиску и освобождению. В знак признательности позвольте преподнести вам архивные бумаги, по счастливой случайности оказавшиеся в моих руках. Этот оригинал дарственной, в подлинности которого не приходится сомневаться, подтверждает право собственности Вашего сиятельства на сорок гектаров земли под Дмитровом. Как нам с невестой ведомо, тяжбы за данные земли велись еще вашим прадедом, но не нашли удовлетворения, но ныне…»

– Это что? – обернулась она ко мне.

– Благодарность князю Прозоровскому за помощь в твоем освобождении. Там надо подписать внизу, запечатать и отправить.

– А он помогал? – осторожно уточнила Ника.

– Нет. Даже пальцем не пошевелил, – признал я.

– Тогда зачем?! – возмутилась моя невеста. – Это слишком много для того, кто не сделал ничего!

– Как считаешь, он этого не поймет? – взглянул я на нее чуть устало.

Ника гневно смотрела на меня.

– Какая разница, поймет или нет? Если он тут ни при чем, я не вижу ни малейшего повода это подписывать!

– Разница весьма значительна, – не согласился я в ответ. – У князей гипертрофированное чувство чести. Они нам не помогли, но получат в дар то, от чего будет сложно отказаться.

Я зашел в комнату и стал двигаться вдоль стопок с бумагами.

– Старые секреты, долги, документы на землю, решение загадок, поиск утерянных родственников… – слегка касался я документов. – Каждый получит то, что желали получить еще его предки и завещали найти ему. Это невозможно им продать. За все это скорее убьют, чем посчитают нужным торговаться. Поэтому мы отдаем все это в оплату услуги, которой не было.

– Они решат, что все так и должно быть, – упрямо произнесла Ника, уронив руку с зажатой бумагой. – Они решат, что они князья, а ты неизвестно кто.

Я подошел к ней и обнял со спины.

– Неизвестно кто не может сжечь кремлевскую башню. Стоит признать это, и такие вещи станут делать другие неизвестно кто, а это очень опасно. Им придется объяснить, почему это было позволено мне и запрещено остальным.

– Потому что ты Юсупов?

– Одна из версий. Но она мне не нравится. Мы подскажем им другую причину. – Я подул ей на шею и поцеловал в затылок.

– Скоро твоему деду доложат, и он сделает по-своему.

– Думаю, у нас будет еще день до этого.

– Разве мы успеем за один день?

– Одного дня для такого дела недостаточно, – согласился я, чуть покачиваясь с девушкой в объятиях, – но чтобы завершить начатое пять лет назад – его вполне хватит.

Ника недоверчиво покосилась через плечо.

– Завтра, – успокоил я ее, – я расскажу тебе завтра. – Улыбнувшись, я отпустил ее и отодвинул для нее кресло.

Даже просто подписание десятков бумаг затянулось на пару часов – листы бумаги обязательно следовало прочитать самолично, дабы знать, что именно было подготовлено в дар иным счастливцам из числа самых влиятельных семей империи. Дары готовил не я – все они были результатом бдения моих людей в ИСБ и последствием проработки полученного материала. Вышло весьма неплохо, как мне кажется, – во всяком случае, равнодушным не должен был остаться ни один из получателей конвертов, которые скопом забрали с утра представители фельдъегерской службы.

За окном окончательно замело, но нам гарантировали, что отправления непременно достигнут адресатов в течение первой половины дня.

Мы же с Никой наконец-таки добрались до заслуженного отдыха – в другой комнате была застланная кровать, на плед которой мы забрались не раздеваясь, просто глядя в окно на поздний рассвет.

– Что теперь? – повозившись в моих объятиях, робко произнесла невеста.

Я провел рукой по ее волосам и остановил ладонь на ключице. У меня была версия, чем можно занять время. Но не сегодня и не после всего пережитого.

– Ты будешь спать, а я тебе читать Есенина. – Я дернул рукой край пледа с кровати и запахнул им наши ноги.

– Не надо Есенина… – чуть сонно произнесла девушка, смежив веки. – Лучше сказку.

– Ладно… В далеком царстве, в далеком государстве жила-была принцесса. И за что бы она ни взялась, ничего у нее не получалось. Возьмется мирить друзей – те вдрызг разругаются. Возьмется шить – переломает все иголки. Решит что доброе сделать – выходит так горестно, что лучше бы и не делала ничего.

– Бедняга… – пробормотала Ника.

– Так бы ей и мучиться всю жизнь, если бы не заметил эту особенность мудрый визирь. И рассудил, что определенность, даже такая скверная, может быть великим оружием во благо царства. Посоветовал он принцессе осушать озера и родники вокруг ее дворца, слукавив о зараженной воде, – и стоило принцессе тем заняться, как тряхнуло дворец землетрясение, а из щели в земле забил поток воды такой силы, что годом позже вокруг нового оазиса высился богатый город. Посоветовал визирь принцессе познакомить на балу двух молодых людей из богатых, но нелояльных царю семей – так те через полгода почти вырезали друг друга, кипя от злости и ненависти за полученное на балу оскорбление… Словом, дела у царства заладились, а после того, как визирь открыл тайну отцу принцессы, то стали отправлять ее в гости к соседям – дальним и близким, не забывая нашептывать хорошие советы. Богатело царство, нищали соперники, грустила принцесса, но светлой своею душой все старалась и старалась сделать так, чтобы всем было лучше.

Одного не знал визирь: талант принцессы вовсе не был направлен внутрь ее самой. Он просто ломал любые начинания рядом с хозяйкой, и, покуда она была одна, все было в точности так, как думали посвященные в тайну… Но когда рядом стало так много людей, которые всеми силами хотели, чтобы их царство процветало в мире и спокойствии… истово хотели просто сыто и счастливо жить… как вдруг пришли люди с севера, лихие и горячие, и ныне вместо царства того один песок да пыль.

– А принцесса? – с тревогой уточнила невеста.

– Желала погибнуть со своей страной. Так сильно, что и тут не повезло – была спасена и влюбилась.

– Какая грустная сказка, – потерлась Ника о мою руку, – и печальная судьба.

– Да, – согласно произнес я, погладил ее шею и остановил руку у тревожно бьющейся нитки сонной артерии.

Всего одно нажатие – и бесконечность распахнет объятия, а в мире не станет той, что способна ломать планы. Не станет девчонки, что грустила всякий раз, когда ее ухажеры не приходили на свидания – неожиданно сломанные руки и ноги, случайно проглоченный язык, внезапная аллергия… Не станет дочки, что решила помочь отцу с бизнесом и чуть не довела его до разорения. Не станет бизнес-леди, первый самостоятельный бизнес которой уже под арестом. Не станет медика, выгнанного из больницы с волчьим билетом.

Я убрал руку с артерии и нежно погладил шею той, что стала моей невестой.

– Не бойся, у нас будет добрая сказка. С самым хорошим концом.

Глава 2

Время отпечатывается в вещах. Дело даже не в стиле той или иной эпохи, десятилетия или легкомысленного модного поветрия одного-двух месяцев, по которым легко определить дату изготовления, а в способе производства.

Очки в массивной оправе, примеряемые князем Черниговским перед зеркалом в ванной комнате гостиничного номера, внешне были высокотехнологичной копией тех, которые он бессменно проносил более двух десятилетий. Прежние были тяжелее, произведены по гораздо более вредной технологии и доработаны вручную, а не распечатаны за пару часов. Но прежние остались растоптанными в саже выгоревшей земли под Екатеринбургом.

Князь привык к ним, как и к образу государственного деятеля, создаваемому строгим костюмом, мимикой и парой морщин на лице. Люди хотели видеть надежность, ум, скромность и профессионализм, и специалисты клана некогда создали облик, который максимально соответствовал должности министра внутренних дел. Этому облику можно было доверять, рассчитывать на него и уважать безмерно – как уступят дорогу скромному иноку в серой рясе, идущему босым в паломничество. Но если убийца, примеривший серую хламиду, скроет ожесточение и хищный взгляд глубоким капюшоном, то персоне публичной это помогали делать толстые стекла очков без диоптрий.

Князь еще раз поправил оправу, выставляя ее на переносице. Затем пододвинул еще раз.

Новые очки отличались от прежних, раздражая хозяина безмерно. Потому что он пытался убедить себя, что ничего не изменилось со вчерашнего дня. Но это было не так.

Сгорела клановая башня, уничтоженная сволочью, пригнавшей в черту города артиллерийские установки. Сгорела в пепел, до последней бумаги и предмета мебели – слуги клана, не способные потушить пожар, не позволили сделать это и прибывшим пожарным командам. Недопустимо позволить, чтобы к документам и клановым вещам были допущены посторонние. Князь одобрял это решение, пусть оно и отозвалось болью в сердце, – он сам не раз отправлял своих людей под видом спасателей в особняки, которые сам же распоряжался поджечь. Не следует считать остальных глупее.

Вон даже мальчишка догадался ударить самым болезненным образом, атаковав твердыню, за стенами которой не было ни одного защитника. Боевое крыло клана сопровождало караван с деньгами и золотом в столицу, а родовые башни, даже самые укрепленные, не способны дать сдачи. Они рассчитаны на то, чтобы сдержать первые удары и дать время защитникам выйти и проломить череп неприятелю. Но никого не оказалось внутри…

И теперь он, князь, и его люди, вернувшиеся из похода, вынуждены ютиться в гостинице, в которой даже не удалось выкупить все номера и на этажах разгуливают посторонние, которых он не может выкинуть прочь. Какой позор…

Князь поймал себя на том, что включил напор холодной воды и с силой растирает ею лицо. Очки, оказавшиеся отложенными в сторону, бликовали зеленоватой пленкой. У старых такого не было.

Черниговский протянул руку к новоделу и движением ладони смял их, ощутив слабую тень удовлетворения.

– Линзы должны быть простыми, без покрытия, – выйдя из ванной, уронил он обломки на столешницу журнального столика, за которым его дожидался порученец.

– Сделаем, ваше сиятельство.

Самый дорогой номер гостиницы на Большой Якиманке смотрел окнами на набережную и храм, но в окнах был виден только снегопад, зарядивший с ночи и вряд ли планировавший останавливаться. От непогоды в трех комнатах, соединенных огромными проемами, было темновато. Включить бы люстру, да специалисты по безопасности явно перестарались, разыскивая жучки и камеры, – вместе со вскрытой штукатуркой стен и оторванными бледно-зелеными обоями временно исчезло и электричество. Номер после всего этого вандализма и без того смотрелся мрачновато, а еще с этим рассветным сумраком за окном, не дающим нормальных теней… Непривычно низкие потолки старого здания, белоснежная окраска которых почти не прибавляла объема; дешевые материалы обивок, маскирующихся под стиль; черный прямоугольник телевизора с разводами от вытертой пыли и верх неустроенности – линолеум, маскирующийся под паркет. Тоска с приставкой «люкс».

Зато в снятом номере был массивный и длинный переговорный стол из темного дерева, во главу которого князь и сел.

Через пару секунд по правую его руку, через пару кресел, расположился и порученец, положив перед собой тонкую папку с документами.

– Нужны успехи, – обозначил князь тяжелым голосом. – Слушаю.

– Весь груз золота и денег китайских заимодателей благополучно сдан представителям императора, – чуть нервно дернув пальцами, произнес слуга.

Но прежнего преданного и чуть восторженного взгляда, которым обычно сопровождались приятные события, отчего-то не было. А ведь опыт порученца предписывал выглядеть так, будто самолично принимал в этом участие…

– Но что-то пошло не так? – подытожил свои наблюдения Черниговский.

– Не на этом участке… – все же выдавил тот из себя правду. – Я контролировал основной маршрут от и до. Но был и другой караван, который должен был довезти из ваших земель недостающие деньги. Вы же знаете, займ не покрывал всей суммы, которую требовал император…

– Я это знаю, – перебив, спокойно кивнул князь.

– Этот рейс готовился в строжайшей тайне. Сопровождение отбиралось из верных людей, а маршрут инкассации давно отработан исполнителями. – Стараясь не сорваться на оправдательный тон, порученец пытался докладывать чуть отстраненно, будто делал обзор чужой работы. – Но при пересечении моста через приток реки Десны из-за ветхости сооружения два контейнера рухнули в воду вместе с мостом. Ограничения на тоннаж перевозки не нарушались. Остальные машины поехали в объезд и благополучно прибыли в Москву.
С учетом наших резервов денег хватило для полного погашения.

Князь Черниговский чуть выдохнул и расцепил сжатые в замок руки. Мост, безусловно, жаль.

– Контейнеры подняли? – для проформы уточнил он.

Дело не самое срочное, а содержимое всегда герметично упаковывается.

– Ваше сиятельство, аквалангисты обследовали дно уже через три часа. Их там нет, – тронув ворот рубашки, произнес порученец, не решаясь встретиться с князем взглядом.

– То есть как нет? – недопонял князь. – Что было внутри? Какой объем, вес?

– Стандартные двадцатифутовые контейнеры на грузовой платформе. Золото, по двадцать тонн в каждом.

– Как два прицепа могли потеряться на дне реки? – чувствуя вновь возникающее раздражение, поднял голос князь.

– Лучшие следователи княжества уже работают. У меня пока нет ответа… – пересохшим горлом произнес слуга, – но их нет на дне. Грузовики есть. Шоферы успели выплыть.

– Да плевать на шоферов, где мое золото?! Ты хоть понимаешь, что это умысел?!

Тот повесил голову и отражал искреннее раскаяние.

– Кто-то из тех, кто участвовал в перевозке, решил украсть мои деньги. Возможно, замешаны все. Возможно, в доле даже аквалангисты. Два контейнера, сорок тонн золота не могут пропасть за три часа!!! – перешел на крик князь.

Затем тут же успокоился. Раньше он никогда не кричал на подчиненных. Но раньше ему не нужно было вносить первый взнос по займу, до которого было меньше месяца.

– Допросы ведутся с пристрастием. По вашей воле, мы можем изменить русло реки и обследовать дно тщательнее.

– Делай. Только найди мне мои деньги, – прикрыв глаза, произнес князь. – Теперь к Самойлову. Он уже в розыске?

Этого человека требовалось примерно наказать. Человек, несмотря на личную Силу, связи и родство, всегда слабее государства. А под государством Черниговский полагал себя.

– Как свидетель, – открыв папку, тронул бумаги слуга.

– Я же ясно сказал: найти ему статью и повесить, – нахмурился князь и по привычке повел руку поправить очки.

Но их там, разумеется, не было – и движение вновь всколыхнуло только что погашенное раздражение.

– Это оказалось не столь просто. Прошу меня простить, но возникли сложности.

– Какие еще сложности? – не понимал князь. – Пиши от его имени признательные показания, подписывай за него, и пусть его повесят до того, как приедет адвокат. Мертвые не пишут жалобы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vladimir-ilin/napryazhenie-na-vysote

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить